

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРЕДМЕТА ПСИХОЛОГИИ В ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ И.А. ЧИСТОВИЧА (АНАЛИЗ РАБОТЫ «КУРС ОПЫТНОЙ ПСИХОЛОГИИ»)

**TO THE DEFINITION
OF THE SUBJECT OF PSYCHOLOGY
IN A PHILOSOPHICAL —
ANTHROPOLOGICAL VIEWS
OF I. A. CHISTOVICH
(ANALYSIS OF «EXPERIMENTAL
PSYCHOLOGY COURSE»)**

M. Sharova

Summary. Shows the philosophical and anthropological views of I. A. Chistovich in the context of creation of «experimental psychology», which could evolve in accordance with the latest developments in empirical psychology and physiology in the second half of the XIX century, without abandoning the basic principles of theistic anthropology: understanding human beings as Bogovdohnovlennosti, free will, moral ascension, consciousness, the unconscious. Analyzes his work «Course in experimental psychology» (1868), approved on the basis of the opinion of the Ministry of public education (1869), as a compulsory textbook in all the seminaries and academies of the second half of the XIX century.

Keywords: I. A. Chistovich; spiritually — academic philosophy; empirical psychology; theistic psychology; anthropology; man's inner world; the sensual reality; consciousness; self-knowledge; introspection; intuitionism; knowledge.

Шарова Марина Александровна

*К.ф.н., доцент, Калужский государственный
университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга
sharov.kaluga@mail.ru*

Аннотация. Показаны философско-антропологические взгляды И. А. Чистовича в контексте создания им «опытной психологии», которая могла бы эволюционировать в соответствии с новейшими достижениями эмпирической психологии и физиологии второй половины XIX в., не отказываясь от базовых принципов теистической антропологии: понимания человека как Боговдохновенного существа, свободы воли, нравственного восхождения, сознания, бессознательного и т.д. Анализируется его работа «Курс опытной психологии» (1868), утвержденная на основании отзыва Министерства народного просвещения (1869) в качестве обязательного учебного пособия во всех духовных семинариях и академиях второй половины XIX в.

Ключевые слова: И. А. Чистович; духовно — академическая философия; эмпирическая психология; теистическая психология; антропология; внутренний мир человека; чувственная реальность; сознание; самопознание; самонаблюдение; интуитивизм; познание.

И. А. Чистович (1828–1893) — представитель теистической философии середины XIX в., профессор и историограф Санкт-Петербургской духовной академии, видный церковный и государственный деятель. Взлет его научной деятельности пришелся на 60–70 — е гг. XIX в., что ознаменовано присуждением Демидовской (1858, 1865), Уваровской (1867) и Макарьевской (1869) премий (последняя — за учебник по психологии).

Философско-антропологическая и психологическая тематики сквозной линией проходят через все творчество мыслителя, а его работа «Курс опытной психологии» (1868, с переизданиями СПб 1876, СПб 1884, СПб 1889, СПб 1896 годов) была принята в качестве учебного пособия во всех духовных семинариях. По словам А. П. Лопухина, «Курс опытной психологии» стал результатом многолетней научно-педагогической деятельности

в Санкт-Петербургской духовной академии (1851–1873) и Императорском училище правоведения (1866–1882), где И. А. Чистович, помимо истории философии и логики, преподавал психологию. Будучи учеником и занявший кафедру философии после А. А. Фишера, он вобрал в себя увлечение психологией немецкого идеализма (Г. Гегель, И. Фихте, Ф. Шеллинг), показав, что конечной целью философии является познание истин существующего посредством опытов: естественного и метафизического, соединенных в конечном источнике бытия — Боге.

Полагая разум и откровение равно ниспосланными Богом источниками блага, И. А. Чистович не видел противоречия в умозрительном и эмпирическом познании. Выстраивая психологию на началах философского знания, он показал, что психология должна стать свободной от всякого умозрения и быть рассмотрена как наука опытная. Характерным для психологии И. А. Чистовича

являлся описательный подход к познанию психической реальности и признание жизненного опыта личности основой познания истины. Н.А. Бердяев отмечал, что, в целом, для русского сознания XIX в. характерен интерес к соединению теоретического и практического разума в достижении целостности познания бытия [1]. Однако, в интуитивизме поиска истины И.А. Чистович более тяготел к умозрительному онтологизму, нежели к системно — логическому познанию, что свидетельствует о приоритете жизненного факта над мышлением, когда познание осуществляется посредством переживания, установлением реалий связи между «я» и бытием. Онтологизм бытия вытекал из основного принципа Логоса, где сущность человека априори пронизана мирозерцательными основами христианства. Его психологический онтологизм направлен на то, что бы не просто показать контекст бытия человека, но приоткрыть в нем индивидуальное начало: внутреннее движение сердца, скрытую работу мысли, чувственную реальность. Рассмотрение души в философии И.А. Чистовича стало сферой внутренней реальности, где внутренний мир человека выражался со стороны чувственно-предметных условий и феноменологических проявлений. Утверждая непрерывность психического, он отрицал возможность бессознательности психических явлений, что свидетельствовало о более широкой области психического над сознательным (например, сон, гипноз и т.д.). Развивая тезис о тождестве веры и знания по их природе и логическому строению, И.А. Чистович показал, что вера возможна в качестве действительного познания там, где единственным источником познания служит «самооткровение духа» (= самопознание). Он признавал психический мир человека некой самостоятельной сущностью, имеющей свои законы, не соотносимые с законами материального мира. По — сути, в «Курсе опытной психологии» И.А. Чистович предложил программу «новой психологии», являющуюся выходом из противоположности идеалистически и материалистически ориентированных философско-психологических систем. Он видел задачу подлинной психологии как «науки о духе» не в анализе естественно-природной сущности человека как высшего животного, а в возвышении его нравственной сущности по Образу Божьему (как образу по Подобию). Он показал, что объектом философской психологии является сам человек как конкретный носитель реальности.

Он дифференцировал психологические системы по предмету и методу исследования на: 1) опытную психологию, занимающуюся реалиями духовной жизни (индуктивный метод); 2) умозрительную психологию, обращенную к метафизическим принципам сущности души (дедуктивный метод). Вместе с тем, И.А. Чистович признавал, что предметом психологии не может быть только какая — либо часть души, но только ее целостное явление, открывающееся в самосознании наблюда-

емых внутренних чувств. В этом плане душевная жизнь выступала фактом самосознания, отличным от физиологических явлений. Тогда как физиологические явления отражают количественные и пространственные показатели, составляющие предмет внешнего наблюдения, то душевные явления — суть качественных изменений внутреннего опыта, интенсивность которых происходит и развивается во времени (например, сознание, мысль, чувство, желание, совесть, вера и т.д.). И.А. Чистович видел разницу между психологией и физиологией в невозможности последней прибегать к методу самонаблюдения, но лишь наблюдения, тогда как первый является ключевым моментом к познанию таинств душевной жизни. Характерной чертой, отличающей явления душевной жизни от прочих проявлений материальной природы, он признавал сознание. Однако, в философской антропологии И.А. Чистовича равно присутствуют категории: «сознание» и «бессознательное», пронизанные понятием «дух», как простирающим свое влияние на все процессы, зарождающиеся в истоках психики (еще до понимания их человеком и возможности самонаблюдения). Так, бессознательное в философско-психологической концепции И.А. Чистовича выступало первичным элементом зарождения и вычленения психических явлений, затем переходящих в сознательные психические процессы, доступные деятельности самонаблюдения.

Задача психологии, по И.А. Чистовичу, состоит в том, чтобы: «... описать явления душевной жизни (внутренние состояния и перемены, факты самопознания); 2) ... определить психические законы, управляющие этими явлениями и ходом душевной жизни и 3) на основании явлений и законов душевной жизни составить понятие об их реальном основании — душе человеческой» [7, с. 3]. Природа человеческого духа и бессознательные процессы виделись ему непознанными, поскольку психологии как науке о душе были доступны лишь проявления сознания. Поэтому «предметом психологии ... являлись явления душевной жизни, открывающиеся человеку в непосредственном сознании» [7, с. 3].

Самонаблюдение, как наблюдение за собственными внутренними психическими процессами, являлось первостепенным и неотъемлемым (по отношению к наблюдению) методом исследования. «Наблюдение душевной жизни должно начинаться в нас самих, потому что душевная жизнь других людей открывается нам только при помощи телесных знаков, ... но эти внешние явления были бы непонятными знаками, ... если бы мы не наблюдали их в самих нас» [7, с. 4]. Мыслитель ставил вопрос о пределах самонаблюдения, полагая ими области, предшествующие сознанию (духовное, бессознательное, зарождение новых мыслей, желаний и т.д.), поскольку явления душевной жизни проходят в сознании отдельными фактами, и лишь посредством общего (= со-

бирательного) начала становятся доступными сознанию [7, с. 5]. И хотя вопрос о «собирательном начале» душевных сил остался в психологии И. А. Чистовича открытым, но он полагал, что при разноплановости душевных проявлений: ощущения, представления, желания и т.д. должен быть единый центрирующий источник, недоступный сознанию и самонаблюдению. Признавая самонаблюдение средством высшего умственного и нравственного образования, он указывал на ряд трудностей: 1) двойственность природы самонаблюдения — в одно и тоже время душе приходится быть и наблюдателем, и предметом наблюдения; 2) быстрота сменяемости душевных состояний — мыслей, чувств, желаний; 3) невозможность самонаблюдателю познать настоящее, но всегда лишь прошлое; 4) эмоциональная напряженность при самонаблюдении и, как следствие, психологическая усталость; 5) неспособность многих людей к самонаблюдению [7, с. 7]. Отличие самонаблюдения от наблюдения виделось ему в том, что в первом — раскрывалась внутренняя духовная сложность человеческой природы, тогда как во втором — отображались ее внешние проявления.

Сознание понималось им основой психических процессов: ощущения, представления, желания, внешнего и внутреннего опытов и т.д., отображаясь в актах чувствования и мышления. И. А. Чистович стремился вывести сознание из периферии философско-антропологических исследований и сделать центральной темой психологии. Он показал, что сознание на онтологическом уровне укоренено во всеединной реальности и, возникая вместе с началом душевной жизни, под условием взаимодействия души с внешним миром, идет параллельно с душевной жизнью. Такое содержание сознания («безусловное сознание») обладает безусловной действительностью и не зависит от чего — либо психологического, поскольку укоренено в необходимой точке опоры — Абсолюте. Так, мысли, ощущения и чувствования, переживаемые сознанием человека, априори являются продуктами сознаваемой реальности безусловного бытия. Подобной позиции придерживался и Е. Н. Трубецкой, полагая что «если нет безусловного сознания — сознания, тождественного с истиною, то никакие высказывания, суждения и интуиции сознания не в состоянии выразить истину» [6, с. 269]. И. А. Чистович полагал, что в сознании раскрывается два рода состояний: 1) ощущения, связанные с психо-физиологическими процессами; и 2) стремления, управляемые психическими законами (или законами духа). Последние выступают как мотив, не представленный субъекту в его предметном содержании, в силу чего на первый план выходит динамическая сторона деятельности, первичное пробуждение, чувственное переживание потребности и тяготение к объекту. Так в душе человека выражаются два рода сил: внешние раздражители и внутреннее состояние, направленные на гносеологизацию бытия. И. А. Чистович

дифференцировал психологию на две части: отражающую явления и законы душевной жизни (ощущения), и исследующую природу человеческой души (умственная деятельность).

Ощущения понимались им как простейший психический процесс, выражающийся в отражении отдельных свойств внешней среды субъектом посредством внутренних или внешних стимулов при участии нервной системы. Психической стороной ощущений признавались: 1) восприятие, заключающееся в «переводе на психический язык ... языка внешней природы»; 2) воззрение, «состоящее из отнесения ощущения к внешнему доступному нам предмету» [7, с. 20]. При этом, И. А. Чистович восходит к гносеологической форме, что получаемое человеком ощущение не есть свойство самой вещи, но только перемена наших внутренних состояний в результате произведенного внешнего впечатления (от вещи). Так в философии психологии развивается концепция субъективации ощущений, их непосредственной зависимости от конкретного субъекта познания.

И. А. Чистович обращался к новейшей физиологии (И. М. Сеченов «Рефлексы головного мозга» (1863), «Физиология нервной системы» (1866)) в попытке измерить ощущения и установить отношение между увеличением раздражения и ощущением на первоначальном этапе, и при нарастающем раздражении. Он считал, что не всякое раздражение способно возбудить ощущение, поскольку величина раздражения для разных чувств различна, но есть *min* и *max* ее пределы. Пределом И. А. Чистович признавал черту, между неприметным и приметным нарастанием раздражения. Этим он объяснял наличие бесчисленного множества действующих на человека раздражений, многие из которых для сознания проходят незаметно. Вслед за естественнонаучными опытами К. Фогта (Фохта) [8] и Г. Г. Льюиса [4], он выделял два типа ощущений: общей чувствительности организма и чувствительность локальных органов, возбуждаемых отдельными периферическими нервными волокнами. Так, например, человек способен чувствовать болевые ощущения в отсутствующем органе (ампутированная конечность), что объяснялось связью периферического окончания нерва с центральной нервной системой. В философско-психологических построениях И. А. Чистовича ощущения являлись субъективным продуктом, составляющим внешнюю основу деятельности, связанную с отображением материального мира в чувственной реальности сознания. Отсюда возможна подмена ощущений репродуктивными представлениями: иллюзиями, галлюцинациями. Спецификой его психологических воззрений явились выходы на социальную психологию и рассмотрение общества как особого рода внешнего раздражителя, поскольку изменение чувственности нервной системы он связывал с влиянием

различных обстоятельств внешней среды: воспитания, образа жизни, болезни и т.д.

Умственными процессами, отображающими чувственный мир и воссоздающими образ предметов и явлений после того, как они перестали действовать являются представления. И. А. Чистович описывал представления с позиции физиологии, как умственный образ предмета, воспринятого наблюдением и сохраняющим «след» в коре больших полушарий головного мозга, после возбуждения центральной нервной системы при восприятии. Им напрямую установлена зависимость круга представлений от наблюдений. По репрезентативности системы он выделил следующие типы представлений: зрительные, слуховые, обонятельные, вкусовые, осязательные.

В обосновании памяти как формы психического отражения действительности И. А. Чистович обращался к работам английского эмпиризма (Т. Гоббс, Дж. Локк и др.) в связи с обсуждением проблемы опыта и критикой учения о врожденных идеях. Сам мыслитель рассматривал память с естественнонаучной позиции, как способность удержания и сохранения представлений в душе, дифференцируя на: 1) воспоминание, как способность воспроизведения представлений в сознании; 2) припоминание, заключающееся в произвольном и намеренном воспоминании. Помимо известных для середины XIX в. видов памяти (механической, остроумной, рассудочной [7, с. 59]), И. А. Чистович определял еще одну — память как талант (приводя в качестве примера исторические личности: Кира и Цезаря, знавших своих солдат в лицо). С помощью онтологической модели памяти им истолкован исторический процесс и интерпретация времени как непосредственного внутреннего переживания, раскрывающегося в сфере исторического опыта духовной культуры: детство (зрительная память при отсутствии логики), юность (память ассоциаций), зрелость (механические ассоциации и внутренняя логика).

Обоснование логико-философских исследований в психологии раскрывается в понимании им законов мышления: понятие, суждение, умозаключение. Вслед за Р. Декартом («*Cogito ergo sum*»), И. А. Чистович полагал мышление сущностным свойством и высшей степенью интеллектуальной деятельности человека, противопоставляя его «низшим» способам понимания мира: ощущению и восприятию. Специфику образования понятий составляло то, что рассудок соединял постоянные признаки одного предмета в единое представление. Отличие понятий от представлений мыслитель видел в следующем: 1) однозначность понятия (т.е. единая трактовка); 2) неизменность понятия (т.е. не зависит от субъективно-восприятия); 3) признание понятия формой бытия; 4) отнесение понятия к общему (= родовому) в вещах и яв-

лениях; 5) в понятиях мыслится только существенное, без актуализации случайных явлений [7, с. 75]. Суждение понималось им как способность рассудка прилагать новое представление (подлежащее) к имеющемуся (сказуемому) с целью образования логически связанной цепочки отношений. Умозаключение служило формой мышления, посредством которой из имеющихся суждений образовывались новые понятия (дедуктивный и индуктивный методы в психологии).

И. А. Чистович из философии переносит в теоретическую психологию понятие разума как одну из форм сознания, высшее проявление душевной жизни человека. Анализируя рационализм Р. Декарта и идеалистические системы И. Канта и Г. Гегеля, он обосновал отличие разума от иных форм сознания, поскольку если рассудок, как мыслящее сознание, направлен на мир и основным принципом признает непротиворечивость знания; то разум, как рассудок, сознающий себя, соотносит не только разное содержание между собой, но и самого себя с этим содержанием, в силу чего может удерживать противоречия и достигать истины. С категорией разума связаны идеи как стремления, выходящие из собственной природы души и проникающие во все душевные силы. В духе философии платонизма И. А. Чистович признавал идеи объективными сущностями, имеющими бытие независимо от представляющего ума, и составляющие особый мир, отличный от мира явлений. «Идеи,— писал мыслитель,— имеют вне-опытное происхождение. Идеи прирождены нам ... как вложенное в душу Высочайшим существом, Творцом ея, направление ея к деятельности, сообразной с природою духовного, разумно — нравственного существа, предназначенного ... к бесконечному усовершенствованию. В идеях мы представляем и понимаем не то, что есть (область эмпирического знания), но то, что должно быть (область целей, идеального совершенства» [7, с. 84–85]. Его антропологические взгляды исходили из признания прирожденного стремления человека к истине, приобретаемой посредством соотношения с идеальной сущностью (= идеей).

Конвергенция богословия и философии в область антропологии понималась им в систематизации опыта единства бытия человека: материального и духовного. Полагая, что характер физиологических процессов лежит в области пространственных явлений, а душевной жизни — во временных единицах, он стремился сфокусировать их в единстве антропологической проблематики и сделать задачей изучения психологии.

И. А. Чистович ввел в философско-психологическое знание понятия: «единство сознания» и «тождество личности». В первом случае, он сопоставил логические категории А и В как равно удерживаемые в сознании и мыш-

лении, иначе сравнение не может быть осуществлено (т.е. нужно знать: что, и с чем сравнивать), что служило доказательством существования нечто целого, соединяющего их в едином контексте — души. Второй аргумент направлен на доказательство тождества личности, где отличие нынешнего «Я» от иных состояний было очевидно, но с осознанием ответственности за свое поведение (так как «Я» считаю себя ответственным, то это значит, что «Я» признаю свое тождество в различные моменты жизни). Мыслитель полагал, что духовная субстанция является носителем всех духовных состояний (чувств, мыслей, желаний и т.д.), которые соединяет в одно целое. Благодаря ей, духовное «Я» человека кажется тождественным и непрерывным.

Он утверждал превосходство человека над прочими природными организмами за счет разумного и изо-

бретательного духа, развивающегося до самосознания по идеям: истины, добра и красоты. Характерной чертой самодостаточного творящего духа И.А. Чистович признавал свободу воли — «победу ума и воли над ... материей» [7, с. 239].

На сегодняшний момент о философско-психологическом наследии И. А. Чистовича известно мало, но влияние идей мыслителя на современников, бесспорно, велико, поскольку по его учебнику студенты семинарий и Духовных академий обучались более тридцати лет. Весьма ценные сведения о И. А. Чистовиче — педагоге отражены в воспоминаниях современников: профессора А. П. Лопухина [3], архиепископа Никанора (А. И. Бровковича) [5] и др. В последние годы исследование биографического и историко — архивного наследия мыслителя проводилось священником П. Кадосовым [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Русская идея (Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века). Париж. 1946. 260 с.
2. Кадосов П., священник Илларион Алексеевич Чистович: ученый, преподаватель, государственный деятель // Христианское чтение. 2016. № 4. С. 56–72
3. Лопухин А. П. Памяти историка С.-Петербургской Духовной Академии И. А. Чистовича: Некролог (извлечения из Церковного вестника № 45 за 1893). СПб. 1893. 11 с.
4. Льюис Г. Г. Физиология обыденной жизни. Пер. с англ. С. А. Рачинского, Я. А. Борзенкова // Время. 1861. № 11
5. Никанор (А. И. Бровкович), архиепископ. Записки // Русский архив. 1906. № 9. С. 5–38
6. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни // Смысл жизни в русской философии. М., 1994. 432 с.
7. Чистович И. А. Курс опытной психологии. СПб. 1868. 272 с.
8. Vogt C. Physiologische Briefe. Stuttgart. 1845–1846. 148 p.

© Шарова Марина Александровна (sharov.kaluga@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского